

Усачук А.Н., Потапов В.В.

ЩИТКОВЫЙ ПСАЛИЙ С ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВАРЕНОВКА III ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Реферат: Работа посвящена трасологическому анализу щиткового псаля, найденного недавно на поселении эпохи поздней бронзы Восточного Приазовья – территории, на которой чрезвычайно редко встречаются древнейшие псалии.

Ключевые слова: бронзовый век, срубная культура, поселение, псалий, трасологический анализ.

В 2007 г. были продолжены раскопки на поселении Вареновка III. Ранее памятник исследовался в 1999 г. [Потапов 2000; 2000а; 2002]. Поселение расположено на южной окраине с. Самбек Неклиновского р-на Ростовской обл., на правом берегу одноименной реки, впадающей в Таганрогский залив. Были разбиты два раскопа в северо-восточной части поселения. На одном из них – раскопе III – был найден фрагмент щиткового псаля. Материалы этого раскопа, на котором вскрыто 747 м², представлены несколькими культурно-хронологическими горизонтами, которые, однако, жестко не связаны с отдельными литологическими слоями. К XVIII в. относятся одна хозяйственная яма и две печи, эпоха средневековья представлена пятью хозяйственными ямами и отдельными находками салтово-маяцкой керамики. Самая большая керамическая коллекция связана с горизонтом эпохи бронзы, к которому относится и подпрямоугольная наземная постройка.

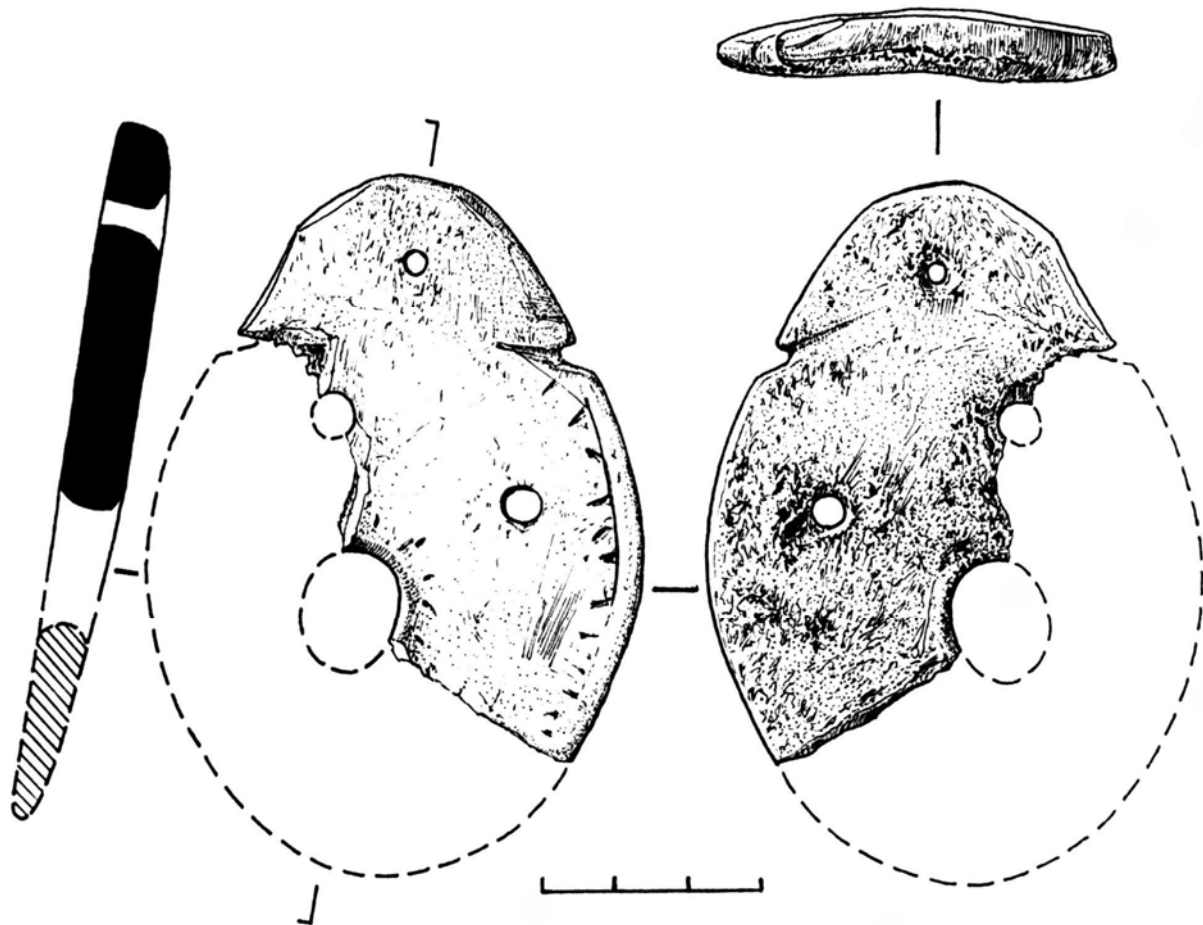

Рис. 1. Поселение Вареновка III. Псалий
Fig. 1. Dwelling-Place Varenovka III. Cheek-Piece

Псалий найден в южной части раскопа (кв. 11), на глубине около 60 см (третий условный горизонт/штык) от поверхности. От изделия сохранились планка и немногим меньше половины щитка. Впрочем, форма псалия достаточно надежно реконструируется (рис. 1). Левая сторона щитка возле планки (рис. 2, А) повторяет форму и размеры сохранившейся правой, а нижней части щитка достаточно для того, чтобы убедиться в несколько вытянутых пропорциях всего изделия. Размеры псалия: общая длина 9,4-9,5 см (при этом длина планки 2,3-2,4 см), ширина щитка до 6,8 см, ширина планки – 4,7 см, толщина от 0,3 до 0,9 см.

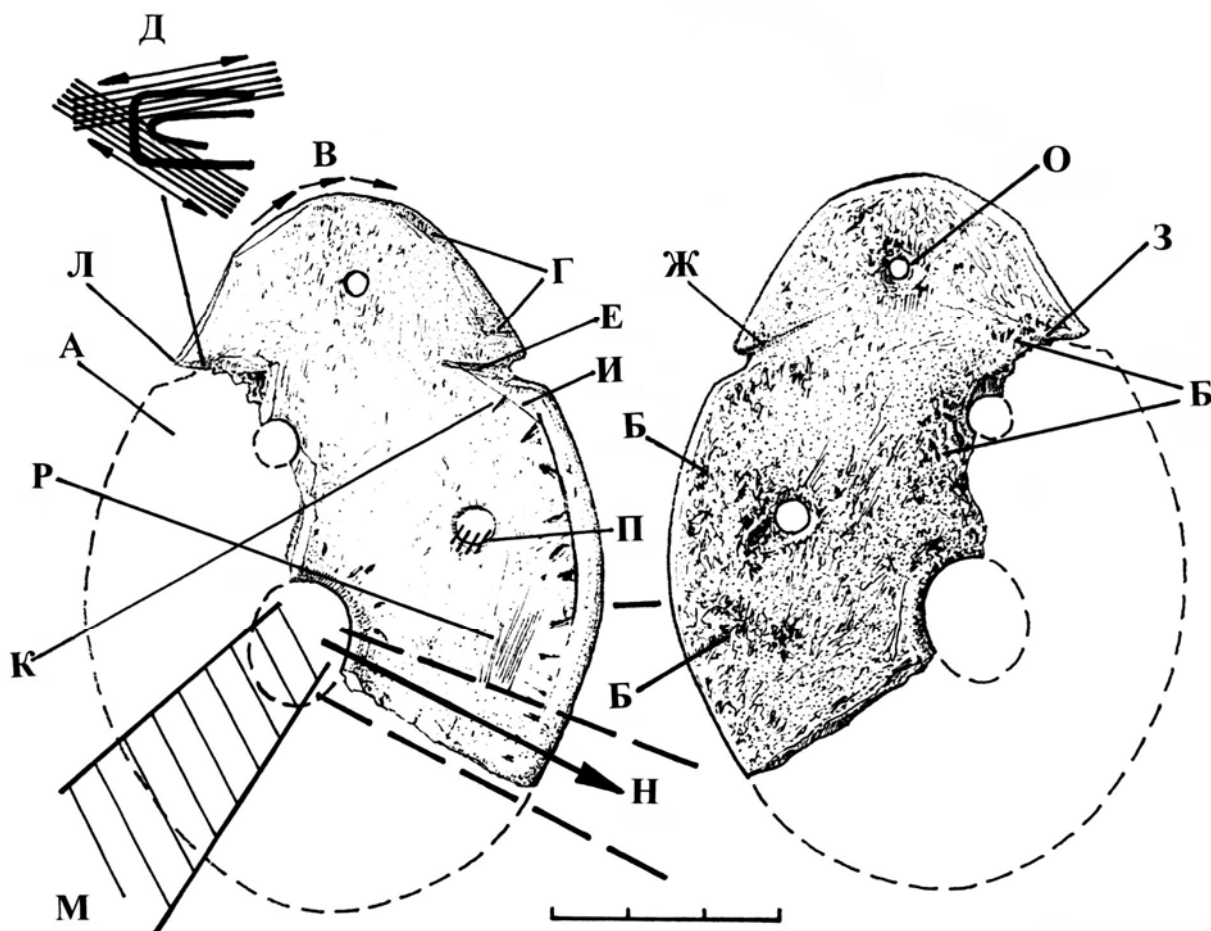

Рис. 2. Поселение Вареновка III. Псалий: детали изготовления и использования
 Fig. 2. Dwelling-Place Varenovka III. Cheek-Piece: details of manufacturing and use

Сохранность изделия неплохая. Несмотря на заполированность, которая обычно предохраняет костяные и роговые предметы от разрушения [ср.: Усачук 2005, с. 180, прим. 1; Погодин, Довгалюк 2005, с. 251-252], поверхность внешней стороны псалия немного расслоилась, что сказалось на сохранности орнамента щитка. В качестве сырья использовался рог *Cervidae*. Наличие только на внутренней стороне псалия остатков губчатого вещества (рис. 2, Б) позволяет считать, что в качестве заготовки использовалась одинарная пластина рога [Бородовский 1997, с. 98-99; 2007, с. 34-35]. Судя по толщине пластины и ее размерам, а также достаточно малой ячеее пористости [ср.: Бородовский 2007, с. 33], сырье определяется как фрагмент лопаты рога лося. Мастер вареновского псалия выполнил разделку роговой лопаты [Бородовский 2007, с. 33-34]: отсечение закраин, вырубание основания спицы, рассечение лопаты на двойные, а затем и, по крайней мере, на две одинарные пластины (из которых использовал одну). Затем он произвел выравнивание

поверхности компакты получившейся заготовки, поскольку на внешней стороне изделия нет следов ороговевших каналов и неровностей лосинового рога [ср.: Бородовский 2007, с. 35].

На торце планки сохранились следы подрезки (рис. 2, В). Скорее всего, использовалось металлическое лезвие. Следы подрезки фиксируются локально, поскольку торец планки заполирован и частично разрушен. На торце щитка следы резки не обнаружены. Поверхность торца щитка гладкая и залощенная. Скорее всего, после резки и перед лощением торец обрабатывался очень мелким абразивом, но последующая доводка скрыла и эти следы. Зато очень слабые поперечные и диагональные следы тонкого абразива локально сохранились на правой стороне планки (рис. 2, Г). Здесь же зафиксирован след неглубокого поперечного надреза, очевидно, связанного с процессом оформления боковых выступов планки. Возможно, этот след остался от наметки основания планки, которую мастер передвинул немного ниже, сделав планку на 0,5 см длиннее.

Отдельная операция – оформление боковых выступов планки. Как правило, подобное характерно для процесса изготовления щитковых псалий [Усачук 2001, с. 106, 107; 2007, с. 10]. Обычно мастера в районе выступа убирали маленькие фрагменты компакты осторожными легкими движениями лезвия в разных направлениях [Усачук 2001, с. 106]. Вареновский мастер поступил проще. Конечно, выступы были намечены аккуратной подрезкой, но окончательно оформлены при помощи резки паза с обеих сторон заготовки (рис. 2, Д). Это дало возможность помимо выступов сделать своеобразные подтреугольные желобки, продолжающие пазы под выступами планки (рис. 2, Е). На внешней поверхности псалия эти пазы идут поперек изделия, частично отделяя планку от щитка, поскольку ни изменением толщины (ср.: Усачук 2007, с. 10), ни орнаментацией края щитка планка вареновского псалия не выделяется. На внутренней поверхности планки желобок справа идет диагонально (рис. 2, Ж). Здесь сохранились длинные тонкие следы. Слева (рис. 2, З) подобный желобок отсутствует.

Отверстие в планке просверлено при помощи станкового сверла. Четкость тонких параллельных друг другу следов вращения на стенках отверстия позволяет говорить о том, что использовалось металлическое сверло. Как показали опыты, кремневые сверла движутся крайне неравномерно и зачастую невозможно выдержать их вертикальное положение оси [Семенов 1963, с. 211]. Неясно, с какой стороны сверлилось отверстие в планке вареновского псалия.

Центральное отверстие в щитке не сохранило следов изготовления. Маленькие отверстия в щитке сделаны, скорее всего, станковым сверлом. Отверстие в правой части щитка, скорее всего, сверлилось, а затем слегка расширено подрезкой при помощи металлического лезвия.

Говоря об отверстиях в щитке, постараемся ответить на вопросы – сколько было вставных шипов и как они располагались. Практически на всех щитковых псалиях должно быть не менее трех, а зачастую – четыре шипа [Усачук 2001-2002, с. 524; 2007, с. 15]. Возможно, на вареновском псалии не сохранились отверстия под нижнюю пару шипов. Учитывая то, что верхняя пара отверстий под шипы расположена на разной высоте, можно предположить, что и нижняя пара отверстий расположена почти так же (рис. 3, 1). Подобное расположение отверстий/шипов не квадратом, а ромбом на щитке является редким, но фиксируется на псалиях различных регионов. Например, псалий из п. 2 к. 24 Большекараганского могильника или пара псалий из п. 4 к. 6 могильника Утевка-VI [Усачук 2009, рис. 2, 3, 4, 7, 8]. Более близкая аналогия возможной реконструкции положения четырех отверстий для шипов вареновского экземпляра – пара псалий из п. 3 к. 6 могильника Илекшар-I (рис. 4, 2, 3) и правый псалий из п. 1 к. 1 у хут. Веселый (рис. 4, 1). Однако мы полагаем, что два отверстия на небольшой по площади части щитка внизу резко ослабляют прочность всего изделия. Особенно это касается левого нижнего отверстия: шаг перфорации в этом месте (рис. 3, 1А) слишком невелик, угроза поломки при механических нагрузках на псалий высока, тем более что щиток ниже центрального отверстия утончается.

На наш взгляд, вареновский мастер должен был для уменьшения риска поломки изделия просверлить внизу щитка только одно отверстие (рис. 3, 2). Таким образом, реконструкция псаля из Вареновки как трехшипного (рис. 3, 2) кажется нам более обоснованной.

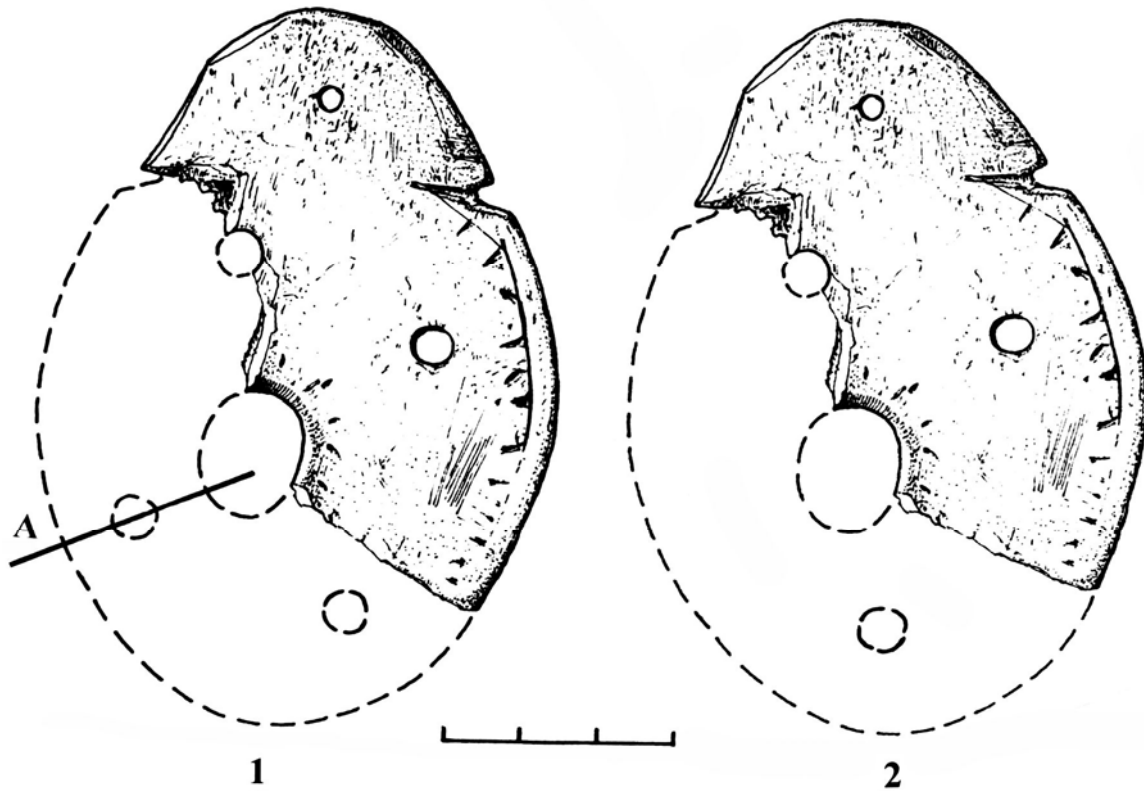

Рис. 3. Поселение Вареновка III. Псалий: варианты реконструкции отверстий для шипов в щитке
Fig. 3. Dwelling-Place Varenovka III. Cheek-Piece: variants of reconstruction of apertures for thorns

Орнамент на вареновском псалии вырезан, очевидно, при помощи двух металлических орудий. Под правым выступом планки и вдоль сохранившегося края щитка острием были прорезаны линии. Идущая вдоль края щитка линия немного толще, чем диагональная линия, подчеркивающая участок паза под выступом планки (рис. 2, *И*). Соединялись эти линии встык. Судя по изменяющейся толщине диагональной линии, ее резали слева направо. Узкие разнонаправленные треугольники вырезаны металлическим лезвием не очень аккуратно после нанесения линий. Это стало понятно после фиксации случая, когда треугольник вырезан поверх линии (рис. 2, *К*). Вокруг центрального отверстия в щитке небрежно вырезаны такие же узкие треугольники. Неясно, была ли здесь прорезана–процарапана линия вокруг отверстия. Из-за поломки изделия и завальцованности вокруг сохранившейся части отверстия тонкая линия могла не сохраниться.

В целом вареновский псалий представляет собой старательно изготовленное изделие, не отличающееся, однако, особым изяществом: мастер не выровнял торец планки, не оформил одинаково пазы по ее краям, небрежно вырезал орнамент. К тому же, планка имеет одинаковую толщину со щитком, хотя прием утончения планок характерен для изготовления щитковых псалий [Усачук 2007, с. 10]. Складывается впечатление, что перед нами типично рабочий экземпляр. Как раз такие псалии чаще всего и находят на поселениях.

Следы сработанности на вареновском изделии присутствуют, хотя нельзя сказать, что они интенсивные. Общая заполировка планки затрагивает и выступы по краям, но левый выступ (рис. 2, *Л*) заполирован больше. Центральное отверстие в щитке завальцовано, однако неясно направление сработанности – так называемая группа следов I [Усачук 1998, рис. 2; 2007, с. 14]. С одной стороны, некоторый наклон, который хорошо просматривается

даже на неполно сохранившемся отверстии, свидетельствует о сработанности влево вниз (рис. 2, *М*). С другой стороны, “стаивание” орнамента от затертости фиксируется на участке щитка справа внизу (рис. 2, *Н*). Правда, здесь отчасти разрушена поверхность щитка, о чем говорилось выше, и это затрудняет получение трасологической информации.

Помимо внешней, залощена до заполировки и внутренняя сторона псаля. Как правило, во всех регионах, кроме южноуральского, внутренняя поверхность щитковых псаляев обрабатывалась гораздо небрежнее внешней [Усачук 2007, с. 10]. В таком случае, если заполировку внешней стороны щитка и планки можно отнести к процессу изготовления псаля (доводка изделия), то интенсивная залощенность внутренней поверхности – явно эксплуатационный признак.

К сожалению, немного можно сказать о маленьком отверстии в планке и небольших отверстиях в щитке. Планочное отверстие не несет следов сработанности, что, в общем-то, характерно для большинства щитковых псаляев [Усачук 2007, с. 14]. Очевидно, крепление ремня к планке было достаточно жестким, что почти исключало трение. Правда, вокруг отверстия в планке на внутренней стороне вареновского псаля зафиксировано углубление (рис. 2, *О*), однако без каких-либо следов эксплуатации. Возможно, подобные углубления, которые в меньшей степени, но присутствуют и вокруг небольших отверстий щитка, остались при разрушении губчатого вещества во время изготовления псаля. С внешней стороны на чуть расширенное подрезкой отверстие в правой части щитка наложилась чуть более выраженная локальная заполированность (рис. 2, *Л*). Если подрезка отверстия связана, скорее всего, с подгонкой вставного шипа [ср.: Усачук 1998, с. 74; 2007, с. 11], то заполированность свидетельствует о том, что в процессе эксплуатации плотность подгонки этого шипа немного ослабла, и шип мог слегка двигаться. Небольшое движение вставного шипа не должно удивлять: эксперименты с использованием реплик щитковых псаляев показали, что хорошо закрепленные шипы могут во время эксплуатации вообще вылетать из своих гнезд [Чечушков 2007, с. 426].

Обращает на себя внимание небольшой диаметр сохранившихся отверстий для шипов. Особенно это касается верхнего правого отверстия – шип здесь был более узким. Обычно вставные шипы подгонялись под несколько больших отверстий. Мастера старались не делать шипы слишком узкими, повышая тем самым их прочность. Известно, что и более широкие в диаметре шипы ломались при эксплуатации [ср.: Усачук 2001-2002, с. 516-517; Широкова 2009, с. 118]. Выше мы упоминали о поведении шипов при экспериментах с оголовьем колесничной лошади [Чечушков 2007, с. 425, 426]. Однако, небольшие по диаметру отверстия для шипов (и, скорее всего, узкие шипы) встречаются на некоторых щитковых псалях различных регионов евразийской степи: на паре псаляев из п. 30 большого грунтового могильника Синташты [Усачук 2001-2002, с. 519], на псалях из укрепленного поселения Синташты [Генинг и др. 1992, рис. 41, 1; Усачук 2001-2002, с. 519], на паре псаляев из п. 14 кургана С1 (Синташта) [Усачук 2001-2002, с. 519]. Кстати, обнаруженный в этом погребении узкий костяной штифт [Генинг и др. 1992, рис. 153, 7] вполне может быть шипом (вторичным?) для псаля [Усачук 2001-2002, с. 519]. Узкие шипы входили в комплект двух щитковых псаляев из п. 1 и псаля из п. 2 кургана 9 могильника Кривое Озеро [Усачук 2003, с. 325, 327-328]. Отверстия для шипов очень небольшого диаметра (0,3 см) просверлены в щитке заготовки одного из псаляев из п. 4 кургана 1 могильника Восточно-Курайли I [Ткачев 2004, с. 21, 25, рис. 14, 4]. Довольно узкие шипы предполагаются для пары псаляев из п. 3 кургана 6 могильника Илекшар I [Ткачев 2003, с. 81] или для одного из псаляев из Фюзешабоня [Penner 1998, Taf. 7, 3].

Разумеется, почти во всех представленных случаях, когда найдены псаля с маленькими отверстиями для шипов в щитках, но отсутствуют сами шипы, можно предположить, что эти шипы были комбинированными: своеобразный стержень – более узкая часть, входящая в отверстие щитка и более широкая нижняя часть. Вставные шипы подобной формы иногда вырезались мастерами различных регионов. Например, такой шип

найден в насыпи кургана С1 (Синташта) [Генинг и др. 1992, рис. 153, 8]. Комбинированный шип принадлежит одному из псалиев из п. 2 кургана 14 могильника Жаман-Каргала I [Ткачев 2004, рис. 13, 2]. Такие же шипы найдены в п. 2 Введенского кургана [Синюк, Килейников 1976, рис. 3, 4], в п. 3 Богоявленского кургана [Пряхин, Матвеев 1991, рис. 2, 5], в п. 1 Филатовского кургана [Синюк, Козмирчук 1995, рис. 9, 1, 2], в п. 4 кургана 3 Потаповского могильника [Кузнецов 2004, рис. 1, 7; Усачук 2009, рис. 5, 1]. Вероятно, подобные шипы принадлежали комплексу кондрашевских псалиев [Усачук, Пустовойт 2004, с. 57, 58] и, в какой-то мере, одному из псалиев п. 1 кургана 1 могильника Селезни-2 [Пряхин и др. 1998, рис. 3, 12-б]. Обратим внимание на псалий из Троицкого, где идея комбинированной формы шипов представлена в гипертрофированном виде: узкий черенок троицких шипов толще конических и цилиндрических шипов многих иных псалиев [Горбунов, Усачук 2004, рис. 1, 2, 3; Усачук 2010, рис. 20, 2, 3]. Шипы троицкого псалия чрезвычайно прочны, но, тем не менее, они защищены и массивными втулками [Горбунов, Усачук 2004, с. 92, 93, рис. 1, 1; Усачук 2010, рис. 20, 1]. В какой-то мере защита тонкого шипа втулкой реализуется и на одном из псалиев из п. 3 Филатовского кургана [Горбунов, Усачук 2004, с. 97, 96, рис. 7, 3] и, скорее всего – на кондрашевских псалиях.

Как раз наличие втулки филатовского и особенно троицкого псалиев показывают, что мастера отдавали себе отчет в том, что комбинированная форма шипов ведет к потере прочности. Поэтому можно предположить, что далеко не всегда комбинированные шипы сопровождали щитки псалиев с маленькими отверстиями. Чаще шипы вырезались хоть и узкими, но наиболее прочной конической формы. Вероятно, почти у всех упомянутых выше псалиев с маленькими отверстиями в щитках были именно тонкие конические шипы. Яркий пример такого решения – псалии из Оарта де Сус [Penner 2004, Abb. 9, 1a, 1b]. Похожие шипы мы предполагаем и для вареновского псалия.

Последнее, о чем следует упомянуть, говоря о следах сработанности на вареновском псалии, касается группы слабых, но четких длинных следов механического воздействия на правой стороне щитка (рис. 2, P).

Следы механического воздействия на щитки псалиев иногда удается выявить при трасологическом изучении этих изделий. Подобные следы отмечены на краях щитков правого пичаевского и левого селезневского псалиев, на правом староюрьевском псалии [Усачук 1998, с. 79], на троицком [Горбунов, Усачук 2004, с. 96] и баланбашском [Усачук 2002, с. 94] псалиях, на экземпляре из фондов Национального музея Республики Башкортостан (место находки неизвестно, о.ф. № 18927) [Усачук, Чаплыгин 2008, с. 67; Усачук 2010, рис. 22, 5]. На всех этих псалиях следы механического повреждения щитков выглядят группами прямых вертикальных или диагональных следов, оставленных при контакте с довольно твердым материалом.

Попробуем разобраться в хронологической позиции найденного псалия. В качестве технологических аналогий мы намеренно привлекали хронологически неоднородные псалии различных территорий, поскольку, на наш взгляд, было важным показать место псалия из Вареновки III в ряду подобных изделий. Посмотрим на типологические аналогии. Форма щитка ставит вареновский псалий в положение уникального, однако изменения щитка является явно факультативным признаком и, скорее всего, говорит о проявлении в такого рода изделиях индивидуального мастерства [Пряхин, Беседин 1998, с. 32; Мыськов и др. 2004, с. 135]. Отметим уникальность формы щитков восьмеркообразных псалиев из п. 4 кургана 1 группы Селезни-2 [Пряхин и др. 1998, рис. 11, 1, 2], крайнюю неординарность формы баранниковских [Мыськов и др. 2004, рис. 7, 1, 2] и тарумовских (не опубликовано) псалиев, которые, тем не менее, вполне подходят под линию развития псалиев староюрьевского типа. Заметим, что на баранниковских и отчасти на восьмеркообразных селезневских псалиях уже наметилось использование узкой планки. Подобное проявляется и на еще одном селезневском псалии (п. 2 курган 1 могильника Селезни-1), имеющем традиционный щиток [Моисеев 1996, рис. 2, 4; 1998, рис. 7, 3] или на подобном

селезневскому экземпляру псалии из п. 3 кургана 1 могильника Идолга [Малов 2003, рис. 13]. Илекшарская пара псалий (рис. 4, 2, 3) тоже имеет довольно узкие планки¹. Близки илекшарским изделиям и псалии из кургана 1 у хутора Веселый, в том числе и узкой планкой [Усачук, Чаплыгин 2008, с. 66; Усачук 2009, с. 501, рис. 12, 1, 2] (рис. 4, 1).

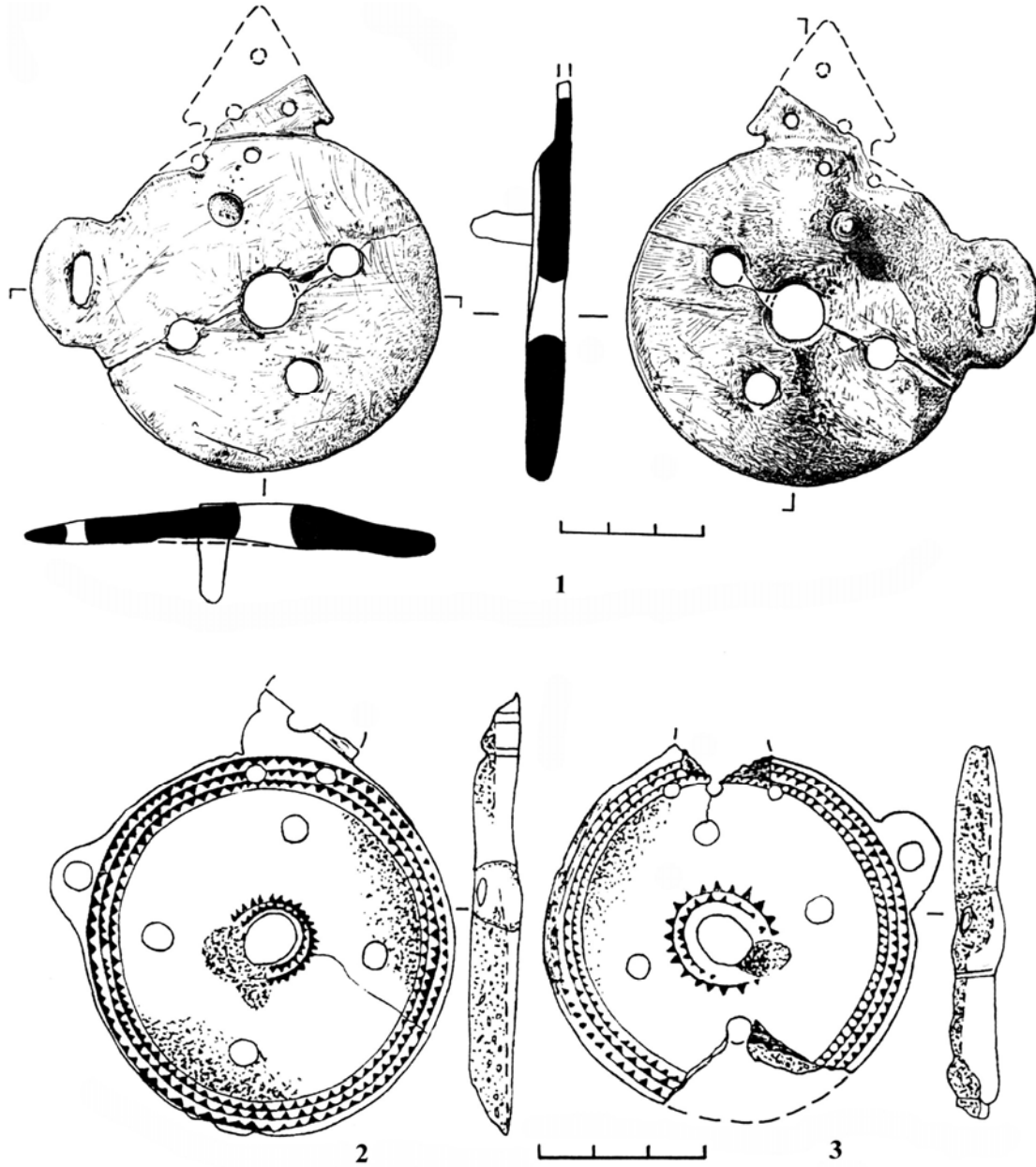

Рис. 4: 1 – правый псалий из п. 1 к. 1 у хут. Веселый;
2, 3 – пара псалий из п. 3 к. 6 могильника Илекшар-I

Fig. 4: 1 – right Cheek-Piece from burial 1 barrow 1 at wil. Vesely;
2, 3 – pair Cheek-Pieces from burial 3 barrows 6 Burial ground Iikshar-I

¹ Недавно И.В. Чечушков и А.В. Епимахов обратили внимание на илекшарские псалии, предположив у каждого из экземпляров по две планки [Чечушков, Епимахов 2010, с. 189]. На наш взгляд, это не так. На илекшарских псалиях похожи друг на друга фрагментарно сохранившиеся округлые в плане планки и боковые петли (по одной планке и петле на каждом псалии) (рис. 4, 2, 3). Ближайшая аналогия илекшарским псалиям – такая же пара из п. 1 кургана 1 хутора Веселый [Усачук, Чаплыгин 2008; 2009] имеют такие же округлые боковые петли, но треугольные планки (рис. 4, 1).

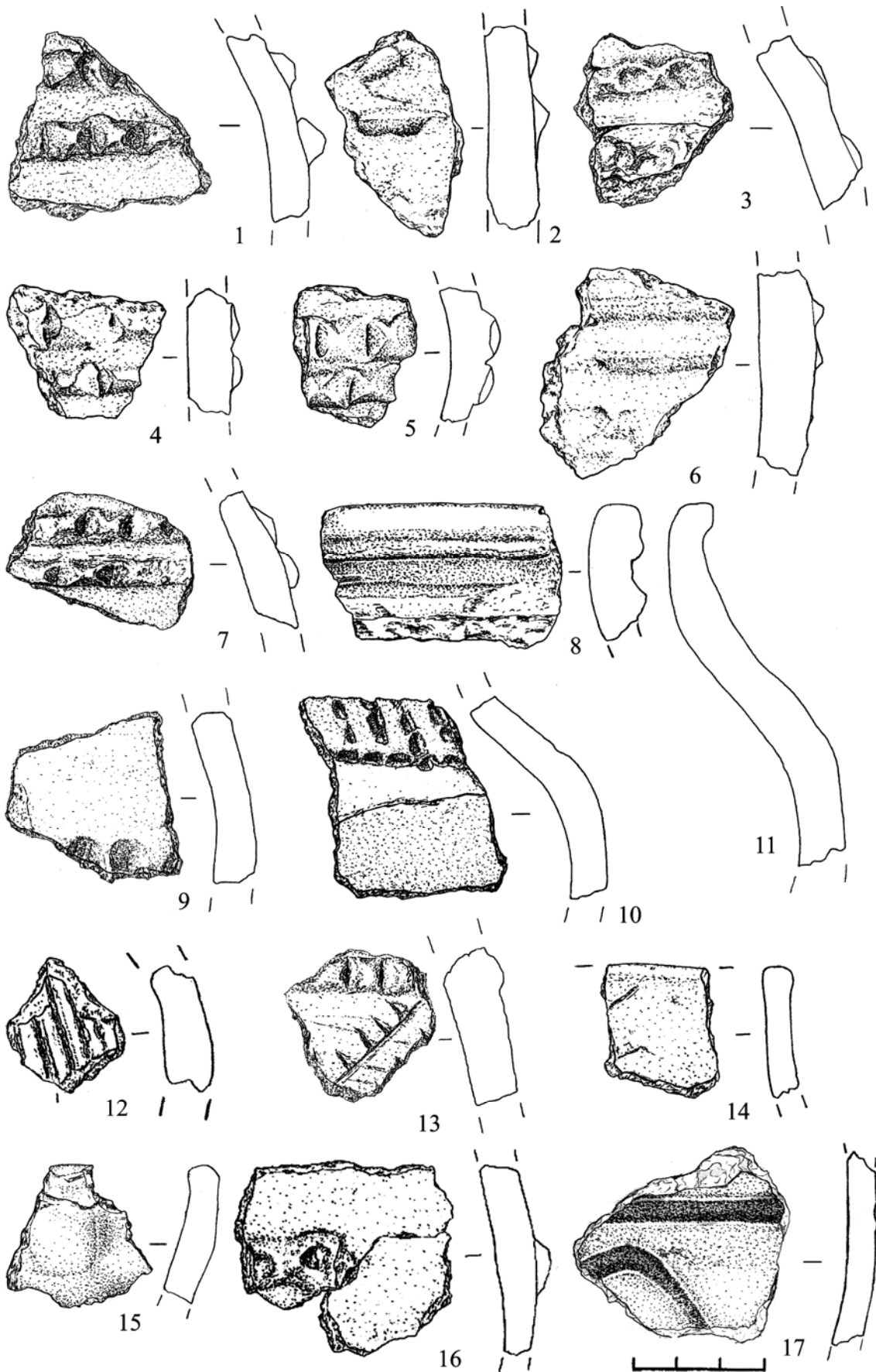

Рис. 5. Поселение Вареновка III. Керамика
Fig. 3. Dwelling-Place Varenovka III. Ceramics

В качестве территориально очень далекой аналогии укажем на своеобразную, но тоже узкую планку с одним маленьким отверстием в центре на псалии из Джаркутана [Аванесова 2005, рис. 1]. В ряд этих псалиев попадает и вареновская находка. В.С. Бочкарев заметил, что сужение планки отражает более поздний характер подобных псалиев по сравнению со щитковыми экземплярами с широкой планкой [Бочкарев 1998; Усачук, Чаплыгин 2008, с. 66]. В целом, все перечисленные аналогии вареновскому псалию укладываются в покровское или раннесрубное время (калиброванные даты закрытого комплекса, где находился джаркутанский псалий, попадают в рамки XVIII-XVI вв. до н.э. [Аванесова 2005, с. 12], если не ранее [Аванесова 2005, с. 13])². Учитывая то, что тонкие хронологические градации вряд ли возможны при анализе щитковых и желобчатых псалиев [ср.: Ткачев 2003, с. 84; 2004, с. 26; Цимиданов 2005, с. 72; Усачук 2007, с. 17; Исмагил и др. 2009, с. 117], следует принять во внимание и другие находки из раскопа III.

Прежде всего, следует отметить, что горизонт эпохи бронзы хронологически неоднороден и материалы различных периодов отличаются планиграфически. Большая часть керамики из центральной и северной части раскопа, а также остатки подпрямоугольной наземной постройки, основание которой было укреплено камнем, относятся к заключительному периоду эпохи бронзы. Южная часть раскопа, где и был найден публикуемый псалий, слабо насыщена находками эпохи бронзы, однако отсюда происходят десятки фрагментов сосудов, украшенных двумя валиками (рис. 5, 1-8). Здесь почти нет керамики финальной бронзы. Многоваликовые черепки в изломе черные, тесто мелкозернистое. Видимых примесей немного, чаще всего это песок или мелкодробленый шамот, реже – известковые включения или ракушка. Поверхность серая, в некоторых случаях в результате обмазки жидкой глиной приобретает серовато-желтый цвет. Встречены фрагменты с расчесами зубчатым штампом (рис. 5, 12). В трех случаях валики гладкие, а остальные расчленены вдавлениями пальца и ногтя. На этом же, южном, участке найдено еще несколько черепков без следов многоваликовой орнаментации, но близких по фактуре описанным выше. Фрагменты с двумя валиками найдены и на другом участке поселения, на раскопе I (раскопки 1999 г.) [Потапов 2002, с. 87, рис. 5, 4, 5, 8-11, 14]. Интересно, что в обоих случаях, керамика многоваликового облика образует локальные группы в пределах слоя и приурочена к припойменным окраинам поселения.

Ближайшие аналогии керамике с многоваликовым декором известны в четвертом слое поселения Ливенцовка [Братченко 1969, с. 217-219, рис. 6, 5-9; рис. 7, 1]. Вареновская керамика, в отличие от ливенцовской, реже содержит ракушку, а валики – исключительно налепные [Братченко 2006, с. 208]. На этом же участке раскопа III, вместе с многоваликовой, найдены черепки несколько более позднего облика – с оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 5, 10) и пальцевыми вдавлениями по стенке (рис. 5, 9). Интересен орнаментированный фрагмент, украшенный широкими слабо углубленными горизонтальными линиями (желобками), очевидно, опоясывавшими сосуд. Верхняя линия прямая, а нижняя – волнистая (“зигзаг”?) (рис. 5, 17). Такое сочетание и техника нанесения орнамента встречаются на доно-волжской абашевской посуде [Доно-волжская... 2001, с. 123, 128]. Отсюда же происходит венчик ребристого горшка (рис. 5, 11). Близкая фактура этих и многоваликовых фрагментов, совместное их залегание, позволяют допустить их культурно-хронологическое единство. Среди фрагментов с типичным для многоваликовых экземпляров узким одинарным налепным валиком, расчлененными неглубокими пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 5, 16), один сочетался с углубленной композицией с использованием “бахромы” (рис. 5, 13). Конечно, фрагментов с раннесрубными признаками не очень много, но с учетом немногочисленности всей коллекции, они выглядят достаточно представительно.

² Сомнения Н.А.Аванесовой по поводу дат позднее XVIII в. до н.э. становятся понятны, если принимать во внимание датировку джаркутанского этапа – 2040-1880 гг. до н.э. [Епимахов 2007, с. 408].

Сочетание многоваликовых и раннесрубных элементов заставляет предположить одновременность материалов южного участка раскопа III³ позднейшим горизонтам культуры Бабино и раннесрубным памятникам. Такое сочетание фиксируется в материалах поселения Раздольное в Приазовье [Горбов, Усачук 2001; 2001a], синхронизируемых с началом I этапа срубных погребений Приазовья по Р.А. Литвиненко [Литвиненко 1999, с. 4, 14-15] и с I горизонтом поселений Северо-Восточного Приазовья [Горбов 1996, с. 66-69]. Вполне вероятно аналогичная синхронизация и для рассматриваемого комплекса находок, куда логично вписывается и фрагмент щиткового псаля⁴.

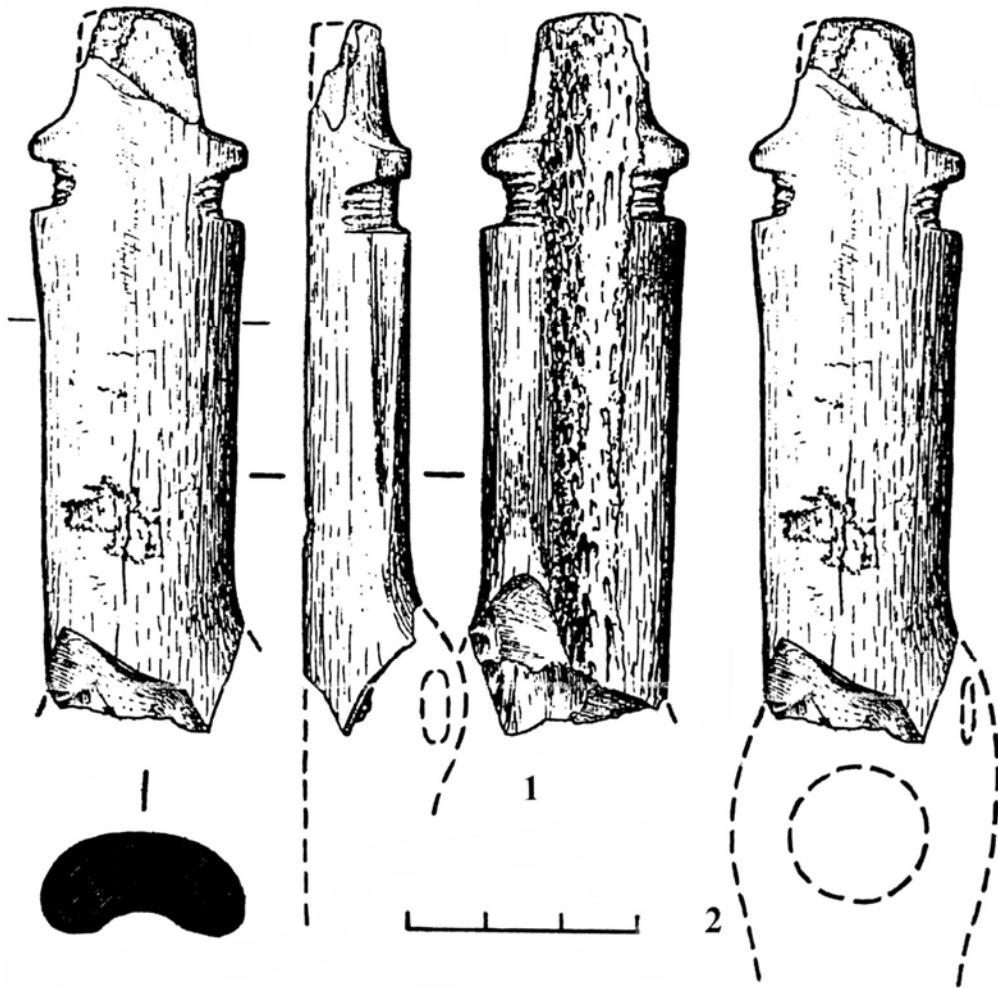

Рис. 6. Поселение Безыменное-I. Псаля: 1 – найденный фрагмент; 2 – реконструкция щитка
Fig. 6. Dwelling-Place Bezimennoye-I. Cheek-Piece: 1 – the found fragment; 2 – reconstruction

В Приазовье находки древнейших псаляев чрезвычайно редки. Фрагмент желобчатого псаля найден при раскопках Каратаевской крепости в Восточном Приазовье [Ильюков 2008, с. 621]. Обломок желобчатого псаля найден в 2007 г. недалеко от Вареновки III на поселении Приморка II (левый берег р. Самбек; раскопки А.В. Шефа). Обломок своеобразного желобчатого псаля обнаружен около котлована жилища раннесрубного времени на поселении Безыменное-I в Северо-Восточном Приазовье [Горбов 1996, с. 67, 68, рис. 1, 1; Подобед и др. 2010, с. 20; Бочкарев, Кузнецов 2010, с. 343] (рис. 6, 1, 2). Щитковый

³ Раннесрубная керамика на других участках раскопа найдена не была.

⁴ Публикуемые материалы Вареновки III могут быть отнесены к тому культурно-хронологическому периоду, который в сводной работе В.А.Трифонова [2001] датируется 2000-1800 гг. до н.э. [Трифонов 2001, с. 80].

же псалий с поселения Вареновка III – первая находка подобных изделий на приазовских памятниках эпохи конца средней – начала поздней бронзы.

Усачук А.М., Потанов В.В.

ЩИТКОВИЙ ПСАЛІЙ З ПОСЕЛЕННЯ ДОБИ БРОНЗИ ВАРЕНІВКА III ЗІ СХІДНОГО НАДАЗОВ'Я

Статтю присвячено публікації щиткового псалія (рис. 1), знайденого 2007 р. на поселенні пізньобронзового віку Варенівка III у Східному Надазов'ї. Здійснено трасологічний аналіз псалія (рис. 2), визначено хронологічний діапазон знахідки. На теренах Приазов'я найдавніші псалії трапляються дуже рідко, а крім того, усі попередні знахідки належать до жолобчастих різновидів. Щитковий псалій з поселення Варенівка III є першою знахідкою подібного роду.

Ключові слова: бронзовий вік, зрубна культура, поселення, псалій, трасологічний аналіз.

Usachuk A.N., Potapov V.V.

SHIELD-SHAPED CHEEK-PIECE FROM THE DWELLING-PLACE OF BRONZE AGE VARENOVKA III FROM THE NORTH-EASTERN AZOV

Article published data on the discovery of the Dwelling-Place Varenovka III in the East Sea of Azov Shield-Shaped Cheek-Pieces (2007) (fig. 1). Conducted use-wear analysis Cheek-Pieces (fig. 2), determined the chronological range of findings. For the territory of the Azov Sea finds ancient cheek-pieces is very rare, and shield-shaped cheek-piece found in the settlement Varenovka III – the first finding of such products on the Azov settlements of late middle age – the beginning of the Late Bronze Age.

Keywords: Bronze Age, Timber-Grave Culture, Dwelling-Place, Cheek-Piece, use-wear analysis.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам сапаллинской культуры) / Н.А. Аванесова // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. – Тошкент, 2005. – С. 7-25.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). / А.П. Бородовский. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла) / А.П. Бородовский. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 176 с.

Бочкарев В.С. Дисковидные псалии начальной поры эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана / В.С. Бочкарев // Доклад, прочитанный 24 сентября 1998 г. на международной конференции “Пространственный анализ археологических памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья (IV Рыковские чтения)”. – Саратов, 1998.

Бочкарев В.С. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей / В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 292-343.

Братченко С.Н. Богатошарове поселення Лівенцівка I на Дону / С.Н. Братченко // Археологія. – 1969. – XXII. – С. 210-231.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века / С.Н. Братченко. // МДАСУ. – № 6. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2006. – С. 32-310.

Генинг В.Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. – Челябинск, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Горбов В.Н. Раннесрубные поселенческие комплексы Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – С. 66-69.

Горбов В.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 155-196.

- Горбов В.Н.** О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. научн. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”*. – Самара, 2001а. – С. 213-220.
- Горбунов В.С.** Новый псалий из лесостепного Приуралья / В.С. Горбунов, А.Н. Усачук // *АА*. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 92-98.
- Доно-волжская** абашевская культура. – Воронеж: Изд-во ВГУ. 2001. – 172 с.
- Епимахов А.В.** Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок / А.В. Епимахов // *ПИФК*. – Вып. XVII. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – С. 402-421.
- Ильюков Л.С.** Ливенцовско-Каратаевская крепость среднего бронзового века / Л.С. Ильюков // *Крупновские чтения 1971-2006: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. – Вып. VIII. – М., 2008. – С. 621.
- Исмагил Р.** Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане / Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. – 240 с.
- Кузнецов П.Ф.** Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья / П.Ф. Кузнецов // *АА*. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 31-38.
- Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // *Древности Северо-Восточного Приазовья*. – Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. – С. 4-23.
- Малов Н.М.** Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья / Н.М. Малов // *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году*. – Вып. 5. – Саратов, 2003. – С. 157-219.
- Моисеев Н.Б.** Новые находки дисковидных псалиев в бассейне р. Челновой / Н.Б. Моисеев // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч.* – Донецк, 1996. – Ч. 1. – С. 87-91.
- Моисеев Н.Б.** Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области / Н.Б. Моисеев. – Тамбов: Компьютерный центр, 1998. – 64 с.
- Мыськов Е.П.** Погребение колесничего из бассейна Дона / [Е.П. Мыськов, А.В. Кияшко, Р.А. Литвиненко, А.Н. Усачук] // *АА*. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 128-138.
- Погодин Л.И.** Консервация археологических находок в полевых условиях / Л.И. Погодин, Н.П. Довгалюк // *Методика археологических исследований Западной Сибири*. – Омск: Фаворит, 2005. – С. 234-255.
- Подобед В.А.** Псалии, “забытые” в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // *Древности Сибири и Центральной Азии*. – № 3 (15). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. – С. 14-33.
- Потапов В.В.** Жилища поселения Вареновка III / В.В. Потапов // *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. – Донецк, 2000. – С. 23-26.
- Потапов В.В.** Поселения-летники срубного населения восточного Приазовья / В.В. Потапов // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. – Саратов, 2000а. – С. 115-117.
- Потапов В.В.** Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье / В.В. Потапов // *ИАИАНД*. – Вып. 18. – Азов, 2002. – С. 70-94.
- Пряхин А.Д.** Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // *РА*. – 1998. – № 3. – С. 22-35.
- Пряхин А.Д.** Курган у с. Богоявленское / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев // *СА*. – 1991. – № 1. – С. 262-266.
- Пряхин А.Д.** Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры / А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин. – Воронеж, 1998. – 44 с.
- Семенов С.А.** Изучение первобытной техники методом эксперимента / С.А. Семенов // *Новые методы в археологических исследованиях*. – М.; Л., 1963. – С. 191-214.
- Синюк А.Т.** Курган у села Введенки на Дону / А.Т. Синюк, В.В. Килейников // *СА*. – 1976. – № 1. – С. 159-169.
- Синюк А.Т.** Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) / А.Т. Синюк, И.А. Козмирчук // *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)*. – Самара, 1995. – С. 37-72.
- Ткачев В.В.** Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане / В.В. Ткачев // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. – Вып. 2. – Уральск, 2003. – С. 80-88.

Ткачев В.В. Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в Степном Приуралье / В.В. Ткачев // АА. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 7-30.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи неолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) / В.А. Трифонов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. научн. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. – Самара, 2001. – С. 71-82.

Усачук А.Н. Трасологический анализ щитковых псалий из погребений лесостепного Подонья / А.Н. Усачук // АВЛ. – Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1998. – С. 72-81.

Усачук А.Н. Конструктивные особенности планок щитковых псалий / А.Н. Усачук // Проблемы археологии и архитектуры. – Т. 1: Археология. – Донецк; Макеевка, 2001. – С. 105-111.

Усачук А.Н. О шипах на щитковых псалиях / А.Н. Усачук // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест; 2001-2002. – № 2. – С. 515-525.

Усачук А.Н. Псалий с поселения Баланбаш / А.Н. Усачук // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2002. – С. 90-96.

Усачук А.Н. Трасологический анализ псалий могильника Кривое Озеро / А.Н. Усачук // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. – С. 319-332.

Усачук А.Н. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) / А.Н. Усачук // Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – Кн. 1. – С. 179-189.

Усачук А.М. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти): автореф. дис. на здобуття наук. ступеню канд. іст. наук: спец. 07.00.04 “Археологія” / Ін-т археології. – К., 2007. – 24 с.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии Среднего Поволжья и региональные особенности технологии изготовления подобных изделий / А.Н. Усачук // Stratum plus. 2005-2009. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. – № 2. – С. 483-506.

Усачук А.Н. Реконструкции крепления древнейших псалий в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы / А.Н. Усачук // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 238-291.

Усачук А.Н. Псалии первого Кондрашевского кургана / А.Н. Усачук, О.В. Пустовойт // АА. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 46-61.

Усачук А.Н. Псалии из кургана у хутора Веселый возле Стерлитамака / А.Н. Усачук, М.С. Чаплыгин // Уфимский археологический вестник. – Вып. 8. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 59-68.

Усачук А.Н. Псалии из кургана возле Стерлитамака / А.Н. Усачук, М.С. Чаплыгин // АВЛ. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – С. 73-89.

Цимиданов В.В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения / В.В. Цимиданов // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 66-81.

Чечушков И.В. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование / И.В. Чечушков // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. XVII. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – С. 421-428.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей / И.В. Чечушков, А.В. Епимахов // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 182-229.

Широкова М.А. О роговых псалиях из с. Глядянское Курганской области / М.А. Широкова // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): матер. XLIX Региональной археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2009. – С. 117-118.

Penner S. Schliemanns Schachtgrübertung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung / S. Penner // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bd. 60. – Bonn, 1998. – 240 S.

Penner S. Die Wangenscheiben aus Mykene und ihre nordöstlichen Beziehungen / S. Penner // АА. – № 15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 62-81.